

Документоведение и архивоведение: история, теория, практика

УДК 930.253

DOI: 10.28995/2658-6541-2019-2-23-33

Рецепция теории о Едином Государственном архивном фонде

Стефка Х. Петкова

*Университет библиотекovedения и информационных технологий,
Болгария, София, stefkapetkova70@yahoo.de*

Аннотация. В связи со столетием создания сети государственных архивов в России в настоящей статье высказывается мнение, что одно из достижений российских архивистов начала XX в. является в то же время крупнейшим достижением мирового архивоведения за весь XX век.

Теория о Едином Государственном архивном фонде возникла в XX в. с целью решения историческими архивами новых задач в связи с огромным количеством накапливающихся документов, их исключительным разнообразием по виду и средствам создания и использования, интенсивным развитием общества. Полный охват исторически ценной документации для передачи ее следующим поколениям (независимо от вида, автора, создателя и притяжателя информации, техники ее фиксации и использования) оказался более легко осуществимым в Советской России и некоторых других странах, но является важной задачей для всех остальных.

В статье приведены высказывания ряда видных представителей мировой архивной теории и практики о позитивной роли полной, всеохватывающей централизации в архивном деле. В течение всего XX в. наблюдается заимствование идей и успешной практики в этом отношении, несмотря на экономические и политические различия между державами. Особенно впечатляющими являются успехи архивистов в Канаде, где стремятся к архивам, даже названным «тотальными», но где, к сожалению, считают этот подход теоретическим новшеством, забывая о том, что имелись предшественники.

Ключевые слова: архивоведение, архивное дело, история архивов, архивный фонд, Единый Государственный архивный фонд, «тотальные архивы»

Для цитирования: Петкова С.Х. Рецепция теории о Едином Государственном архивном фонде // История и архивы. 2019. № 2. С. 23–33. DOI: 10.28995/2658-6541-2019-2-23-33

The reception of the theory of the Unified State Archival Fund

Stefka H. Petkova

*University of Library Studies and Information Technologies,
Bulgaria, Sofia; stefkapetkova70@yahoo.de*

Abstract. The paper is dedicated to the 100th anniversary of the establishment of a network of state archives in Russia. The author states that one of the achievements of the Russian archivists from the early 20th century is at the same time the greatest theoretical achievement of the world archival science in the last century.

The theory of Unified State Archival Fund appears in response to the new tasks of historical archives around the world in respect of the immense amount of emerging documents, their extreme diversity in type, mode of creation and use, the rapid development of social sciences. The comprehensive coverage of historically valuable documentation for its preservation for future generations (regardless of the type, author, creator and owner of the information, the technique of fixing and using it) appears to be the most easily achievable in Soviet Russia and in the countries similar to her in terms of organization, but it is a task for all other countries.

The article mentions statements about the positives of overall and integrate centralization of the archives, made by many prominent representatives of world archival theory and practice. Throughout the 20th Century, there actually was an exchange of ideas and positive practices in this respect, regardless of the economic and political differences between countries. Particularly impressive are the successes of the archivists in Canada, where the quest is for archives that are even been called «total» but which, unfortunately, forgetting their predecessors are presented as a theoretical novelty.

Keywords: archives, archival science, history of archives, archival group (fund), Unique State Archival Fund, total archives

For citation: Petkova S.H. The reception of the theory of the Unified State Archival Fund. *History and Archives*, 2019;2:23-33. DOI: 10.28995/2658-6541-2019-2-23-33

Введение

Когда в далеком 1959 г. я покидала, после пяти лет учебы, аудитории на Никольской, не знала, что там редко буду появляться физически, но умом и сердцем своим я осталась верной тому, чему меня учили в институте. Потому что в институте меня встретила сердечными словами, а затем и проводила на Родину с добрыми пожеланиями успехов Анна Сергеевна Рослова, прекрасный директор

МГИАИ, а моими учителями были ученые мирового масштаба – К.Г. Митяев, Н.В. Бржостовская, К.И. Рудельсон, С.О. Шмидт, А.А. Зимин, всех трудно перечислить. Их научные труды мы продолжаем читать и перечитывать. В 2018 году! И я пыталась сохранить в собственных исследованиях верность российской школе архивоведения, руководствоваться присущими ей высокими научными критериями.

Наша конференция посвящена уровню, достигнутому за последнее столетие, поэтому я решила, выбирая свою тему, обратить внимание на теорию о Едином Государственном архивном фонде, которую считаю крупнейшим достижением именно XX в.

Рецепция теории о Едином Государственном архивном фонде за границей

Рецепция этой теории, предложенной российскими архивоведами, в целом отвечала новым реалиям в архивном деле, проявившимся в мировом масштабе на рубеже XIX–XX вв., предлагала удачные решения для возникших новых задач в архивах.

К сожалению, имеются и обратные суждения и трактовки о ней, выражающиеся чаще всего в замалчивании роли ее создателей. Так, например, когда, в канун миллениума, на XIII Международном архивном конгрессе в Пекине было отмечено соответствующим анализом столетие известного «Руководства...» Мюллера, Фейта и Фруина, а это и есть XX в., представители мирового сообщества архивистов прослушали доклад канадского архивоведа Терри Кука «Архивы в постмодернистском мире: взаимодействие архивной теории и практики после публикации голландского Руководства 1898 г.» [1]. В нем докладчик уклонился от поставленной темы и рассмотрел развитие в XX в. архивоведения и архивной практики лишь в Западной Европе, США, Австралии и родной ему Канаде. Этот выбор он оправдал «своими личными географическими и лингвистическими ограничениями» [1 с. 193], что, конечно, трудно принять. Существует огромная литература на различных языках, и докладчик и знал ее, судя по его профессиональной биографии и научному творчеству. Но он решил представить архивную теорию и практику только определенной части человечества, считая именно ее заслуживающей внимание, об остальной части просто забыть.

Можно выразить только сожаление о случившемся, так как мировой форум архивистов – неподходящее место для проявлений субъективизма. Субъективный подход, кстати, не соответствует ни общей политике Международного совета архивов, ни практике проведения международных форумов архивистов. Характерен

для них сравнительный (компаративный) подход, а заслуга такого системно проявляемого и истинного интернационализма принадлежит, без всякого сомнения, представителям французской архивной школы. Я буду говорить о современных нам авторах, но не могу не напомнить о Шарле Ланглуа, руководителе Национального архива Франции, который в 1920-х гг. специально посетил Советский Союз и убедился, что россияне заботятся о своем документальном наследии. Его визит – известный факт, о нем в архивной литературе не раз сообщалось, как, кстати, и о визите в СССР и статьях немецкого архивоведа Х.О. Майснера и ряда других.

Сразу скажу, что в отношении централизации архивного дела архивисты Канады исключительно успешны. Им удалось обосновать и ввести в архивную практику так называемую тотальную архивистику, и это, заметьте, в классической капиталистической стране, где влияние фактора «собственности на документы» трудно устранить и даже трудно снизить. (Слово «архивистика» имеет здесь двойное значение – одновременно «архивоведение» и «архивное дело».) Архивисты Канады сумели убедить себя, а потом убедить и канадское общество, что каждый создатель или держатель исторически ценных документов должен быть и партнером в их сохранении и дальнейшем использовании. А «тотальность» в комплектовании государственных архивов документами означает, что отбираются на постоянное хранение документы независимо от их создателя (учреждения, организации, частного лица), независимо от вида документов, от носителя документной информации и от техники ее фиксации. Словом, каждый созданный в стране документ (государством или личностью) может стать и архивным в силу своих качеств.

Со всем сказанным можно согласиться, если бы не мнение, что идеи эти являются теоретическим новшеством. Невозможно согласиться по причине того, что *максимальный охват возникающих в данной стране документов* есть суть объявленного в начале XX в. Советской Россией единого *общегосударственного архивного фонда*. Не будем обсуждать, какими методами пополнялся этот фонд в России (фондами, например, ученых, писателей, художников, композиторов и общественных деятелей в 1920-е гг.) или позже, в некоей другой стране, и достигнуто ли было единство фонда, или оно осталось скорее мечтой, намеченной целью. Но смысл полной, тотальной централизации в том и состоял – в создании *всеохватного Государственного архивного фонда путем отбора документов из всех возможных источников комплектования архивов*. По поводу теории о таком «гигантском архивном фонде», создаваемом в социалистических странах, Мишель Дюшен напишет в 1970-е гг., что это «максималистский подход» к проблеме архивизации документов

[2 с. 77–78]. Можно и так оценить предложенный россиянами подход, но такова и «тотальная архивистика», практикуемая в Канаде. Она тоже «максималистская», а оказывается реализуемой в типичной капиталистической стране. Я лично высоко ценю этот успех канадских архивистов и не раз писала о нем с должным уважением [3 с. 72–73; 4 с. 38–39].

Но верно также то, что «максималистский подход» российских архивоведов, как и присоединившихся архивных деятелей других стран, появился совершенно закономерно – по причине того, что мировому архивоведению предстояло решать новые задачи. Наступала, по всей видимости, новая эпоха в развитии архивного дела.

В предыдущее время – вплоть до конца XIX столетия и начала XX, общество довольствовалось частичной централизацией, относящейся главным образом к документам государственных учреждений. Возникшие публичные архивы так и были названы – «государственными» (Archives de l'Etat) – они создавались государством и комплектовались в основном документами, отложившимися в государственных учреждениях. Имеющиеся прецеденты концентрации документов различного происхождения в публично доступных хранилищах (типа Метроона и Табуларума в античной Греции и Риме) остались далеко позади, и впервые в Новое время создавались *сборные архивы*, где неизбежно возник вопрос о физической организации поступающих из различных источников документов и об адекватном описании их, чтобы осуществлялось обещанное использование широкой публикой. Возникло понятие «архивный фонд», где составляющее слово «фонд» несло основную смысловую нагрузку – не простое собрание документов, а комплекс тесно связанных между собой документов, взаимно себя дополняющих и исправляющих. Не механическая коллекция, а цельный организм, растущий и меняющийся вместе со своим создателем. И бесполезное, малоинформативное собрание документов в случае распада его на части.

Об архивном фонде написано тысячи страниц на различных языках мира. И он повсеместно утвердился как *основная классификационная и учетная единица* – в отдельном архиве и при распределении по архивам, хотя о деталях, о нюансах в практическом его использовании дискуссии долго не стихали. С полным основанием В.Н. Автократов назовет базисные знания о нем *теорией об архивном фонде*, и совсем неслучайно, что альтернативы пофондовому сохранению архивных документов и по сей день не найдено. Даже массовое использование изначально электронных документов (electronicborn) на рубеже XX и XXI вв.

не привело к отказу от теории об архивном фонде как базовой архивной теории¹.

Возникновение собственной базовой теории позволило архивоведению стать самостоятельной наукой и имело огромное практическое значение. Отброшены были методы описания, заимствованные у библиотечковедов, так как их использование в архивах оказалось, по выражению Шарля Кечкемети [6], «полным провалом»² [6 с. 27]. К концу XIX – началу XX в. вопрос этот исчерпал свою остроту. Пофондовое сохранение архивного материала стало аксиомой. Хронологическим пиком в его утверждении можно считать Международный конгресс библиотекарей и архивистов в Брюсселе в 1910 г. И, как ни странно, именно тогда теория об архивном фонде стала известной в своем классическом виде и в моей стране, в Болгарии, где централизация в архивном деле только намечалась. В 1912 г. было издано на болгарском языке «Руководство...» Мюллера, Фейта и Фруина [7]. Изданием на болгарском завершился этап ранних переводов «Руководства...» (на немецкий – в 1905 г., на итальянский – в 1908 г. и на французский – в 1910 г.).

Невиданная динамика производства и общественной жизни, а также войны и революции привели к возникновению огромных массивов документов, чью судьбу следовало бы решить. Известный труд Хилари Дженкинсона 1922 г. «Руководство по управлению архивами» [8] возбудил серьезные дискуссии о том, на кого возложить уничтожение основной части этого массива – дать ли такое право самим создателям документов, как предлагал Дженкинсон, или займется тяжелой задачей немногие работающие в уже существовавших исторических архивах.

На огромный объем подлежащих уничтожению/хранению документов влияло вовлечение в общественную жизнь бывших крепостных, превратившихся в грамотных «граждан» и даже в частной своей жизни создававших документы, к которым стали проявлять интерес как историки, так и представители ряда других, бурно развивающихся общественных наук. Красочно описал ситуацию Жан Фавье в статье «Архивы и их публика: случай Франции» [9]. «Несколько стульев, – писал он, – вокруг стола казались достаточными на протяжении всего XIX века, чтобы принять немногих эрудитов, которые пришли открыть в Национальный архив источники по истории страны... Архивы были далеки от наших сегодняшних забот, связанных с массой [документов] и с их секретным характером» [9 с. 75].

¹ О дискуссии по этому вопросу см., например: [5].

² В оригинале: «Ce fût l'échec».

Словом, кончилось время медиевистов, которым было достаточно стопки средневековых грамот. В архивах появился массовый читатель, который в другом своем бытии являлся и создателем документов и который мог запросить информацию обо всем – о себе самом, или о крупном политическом событии. Архивист не вправе сказать, что интересующая читателя информация сочтена незначительной и *кем-то* уничтожена. Визу на уничтожение может дать только архивист. На него возложена от имени общества эта ответственность.

На рост массы документов и на их разнообразие влияли также технические достижения XIX в., которые теперь развернулись полной силой – от производства дешевой бумаги и пишущих машинок до звукозаписывающей техники, фото- и киноаппаратуры и до компьютеров в последующие десятилетия. Возникающие научно-технические, фотокинофонодокументы, о которых говорим иногда как о «новых», о «специфических», постепенно теряли новизну и вступили в свои права обычного исторического источника³.

«Максималистский» подход к организации архивного хранения документов – единственный возможный в XX в., и он используется во всех странах, где архивная отрасль достигла определенного развития. Степень реализации «тотальности» различна, зависит от конкретных условий в соответствующей стране, но стремление к «тотальности» повсеместно, независимо от того, какие ей названия даются.

Собственно, декретом 1 июня 1918 г. было официально объявлено, что в РСФСР создается Единый Государственный Архивный Фонд, потом перестали напоминать, что Государственный Архивный Фонд *единый*, это стало подразумеваться, а в современном российском законодательстве название, как известно, сократили до: «Архивный фонд Российской Федерации». В странах, четко следовавших примеру СССР, использовали название – *Государственный Архивный Фонд* или *Национальный Архивный Фонд*. В Канаде избежали повторения этого названия, хотя оно было известно и ясно всему архивному сообществу, но заговорили о «тотальном» архивном деле, не смущаясь возможным негативным восприятием прилагательного «тотальный», имеющего политический оттенок и напоминающего о полной централизации, предложенной россиянами.

³ Обобщение по этому вопросу было представлено на XI конгрессе в Париже в 1988 г. и на XIII – в Пекине в 1996 г. См.: [10 с. 39–41] и [11 с. 283–309]. Объем литературы в этой области огромен, и он продолжает увеличиваться.

Без всякой мимикрии высокую оценку давал охвату и организации Единого Государственного Архивного Фонда Робер-Анри Ботье, глубоко знавший историю и современную организацию архивов всех стран мира⁴. В своем докладе на XI Конференции Круглого стола в Бухаресте в 1969 г. об архивах местных учреждений и организаций [12] он подробно представил методические разработки и практику СССР и остальных социалистических государств – страну за страной, и прямым текстом заявил: «Там стал применяться принцип, который позволил в более плановом порядке решать проблемы, поставленные территориальными, областными и местными архивами. Это принципиальное положение – понятие о “Едином Государственном Архивном Фонде”, т. е. понимание того, что все документальные материалы, всякого вида, которые откладываются на территории страны общественными учреждениями любой категории, являются государственными документами и как таковые – они под опекой Управления государственных архивов, хотя бы в техническом и методическом отношении. Физически, однако, они распределены для хранения в сети соподчиненных архивов, зависящих от территориальных властей различного уровня» [12 с. 32–33].

Достигнутое россиянами производило впечатление всюду в мире и стало использоваться как пример для подражания, даже когда только предстояло проводить централизацию. Так случилось в моей стране, в Болгарии, где централизация сильно задерживалась. Но в 1941 г. юрист Иван Богданов разработал первый из своих проектов Закона о народных [государственных] архивах⁵, в котором все было «максималистским» – как в социалистической России. Болгария была в то время типичной капиталистической страной и имела в архивном деле скромный собственный опыт, поэтому приходилось опыт заимствовать.

На положительный эффект единого управления национальным документальным наследием обратил в более позднее время внимание Джеймс Роудс, руководитель американских архивов и деятель МСА. В своей статье «Архивное сотрудничество между Соединенны-

⁴ Ему должна быть выражена огромная благодарность за то, что он сумел собрать и опубликовать существующие архивные законы, создав таким образом великолепную базу для сравнительных исследований. См.: *La Législation archivistique*. Vol. XVII, 1967 (1971); Vol. XIX, 1969 (1972); Vol. XX, 1970 (1972); Vol. XXI, 1971 (1973). Сети архивов см.: *Annuaire international des archives*. Archivum, Vol. XXII–XXIII, 1972–1973. Paris: 1975, 480 p.

⁵ См.: «Постановка на българското архивно дело» в сб.: [13 с. 239–243]. В одном из более поздних своих сочинений он даст и философскую трактовку теории о едином государственном архивном фонде. См. в том же сборнике: [13 с. 413–414].

ми Штатами и Союзом советских социалистических республик» [14] он объяснил затруднения в исполнении договора об обмене документов, справочников и прочего следующим образом: «В СССР Главное архивное управление имеет власть над почти всеми архивами в стране и может служить единой контактной точкой с внешним миром. Ситуация совершенно различна в Соединенных Штатах, где Национальная администрация текущих и архивных документов [Национальный архив] имеет мало полномочий в отношении документов, не относящихся к Федеральному управлению. Многие ценные профессиональные публикации создаются архивными структурами не имеющими тесных связей с федеральной архивной системой и буквально тысячи американских хранилищ, находящихся вне этой системы, хранят документы, которые, хотя бы теоретически, могут быть затребованы Советами для копирования» [14 с. 41].

Из-за различной степени централизации всегда возникали проблемы при предоставлении документов другому государству и неизбежно обсуждался вопрос о равнопоставленности. По политическим причинам систематически звучала критика ограничений в использовании документов как раз в отношении стран, где существовала полная централизация. Причины для критики, конечно, имелись, но слишком настоятельное восхваление либерального режима в странах, где централизация охватывает малую часть документации страны, вызывало вполне основательные возражения. Так, на VI конгрессе в Мадриде в 1968 г. по теме о либерализации доступа выступил руководитель болгарских архивов Михаил Алексиев [15] и обратил внимание на то, что в странах, где проведена полная централизация в архивном деле, исследователи получают документы широкого круга фондообразователей (а не только государственных учреждений), и также документы, возникшие совсем недавно – из-за более коротких сроков сдачи документов в государственные архивы.

Заключение

В заключение хочу напомнить о глубокой статье Андрея Валерьяновича Елпатьевского. В ее заглавии ставился вопрос: «Займствование или заимствование? (русское и западноевропейское архивоведение в 1920–1930 гг.)» [16]. Можно без колебаний заявить, что заимствование было исключительно сильным, что имелось также прямое заимствование теоретических постановок, но не все авторы считали нужным указывать на своих предшественников. Им приходится напоминать о наличии таких, но в общем и целом мировое сообщество архивистов может с основанием гордиться своим двадцатым веком.

Литература

1. Cook T. Archives in the post-custodial World: Interaction of archival Theory and Practice since the publication of the Duch manual in 1898 // *Archivum*. Vol. 43: Proceedings of the 13th International Congress on Archives, Beijing, 2–7 September 1996. München, 1997. P. 191–214.
2. Duchein M. Le respect du fonds en archivistique. Principes théoriques et problèmes pratiques // *Gazette des archives*. 1977. n° 97. P. 71–96.
3. Петкова С. Съпротивата срещу Указ 515 – причини и последствия (Щрихи към историята на българските архиви 2) // *Архивен преглед*. 2011. Кн. 2. С. 34–157.
4. Петрова Е., Петкова С. Михаил Стойков Алексиев и приносят му за архивното дело в България (По повод на 110-та годишнина от рождението му) // *Архивен преглед*. 2014. Кн. 1. С. 7–66.
5. Peterson T.H. Machine-readable records as archival Materials // *Actes du 11e Congrès international des Archives* (Paris, 22–26 août 1988). *Archivum*. Vol. 35. Paris, 1989. P. 83–88.
6. Kecskemeti Ch., Körmendy L. Les écrits s'envolent: la problématique de la conservation des archives papier et numériques. Lausanne: Fabre, 2014. 207 p.
7. Müller S., Feith J. A., Fruin R. Ръководство за класиране и описание на архивите: Превод от френски. София: Печатница «Надежда» на Р. Шимонов, 1912. 190 с.
8. Jenkinson H. A Manual of Archives Administration. London, 1922. 284 p.
9. Favier J. Les Archives et leur publique: le cas de la France // *Aus der Arbeit der Archive*. Festschrift für Hans Booms. Boppard am Rhein, 1989. S. 75–82.
10. René-Bazin P. La création et la collecte des nouvelles archives // *Actes du 11e Congrès international des Archives*, Paris, 22–26 août 1988. *Archivum*. Vol. 35. Paris, 1989. P. 39–41.
11. Nougaret Ch. L'impact des technologies de l'information sur les archives et le travail de l'archiviste // *Actes du 13e Congrès international des Archives*, Pékin, 2–7 septembre 1996. *Archivum*. Vol. 43. München, 1997. P. 283–309.
12. Bautier R.-H. Les archives des collectivités locales // *Actes de la Onzième et Douzième Conférences internationales des Archives*. Bucarest, 1969, Jérusalem, 1970. Paris: Conseil International des archives, [1972]. 171 p.
13. Богданов И. Архивология. София: Нов български университет, 2014. 753 с.
14. Rhoads J. Archival cooperation between the United States and the Union of the Soviet Socialist Republics // *Aus der Arbeit der Archive*. Festschrift für Hans Booms. Boppard am Rhein, 1989. S. 36–43.
15. Alexiev M. Facilités de l'accès aux documents en Bulgarie // *Archivum*. 1968. Vol. 18. P. 80–82.
16. Елпатовский А.В. Заимствование или взаимовлияние? (российское и западно-европейское архивоведение в 1920–1930 гг.) // *Вестник архивиста*. 1997. № 5 (41). С. 34–40.

References

1. Cook T. Archives in the post-custodial World: Interaction of archival Theory and Practice since the publication of the Duch manual in 1898. *Archivum*. Vol. 43: Proceedings of the 13th International Congress on Archives, Beijing, 2–7 September 1996. München, 1997. P. 191–214.

2. Duchein M. Le respect du fonds en archivistique. Principes théoriques et problèmes pratiques. *Gazette des archives*. 1977;97:71-96.
3. Петкова С. Съпротивата срещу Указ 515 – причини и последствия (Щрихи към историята на българските архиви 2). *Архивен преглед*. 2011;2:34-157.
4. Петрова Е., Петкова С. Михаил Стойков Алексиев и приносът му за архивното дело в България (По повод на 110-та годишнина от рождението му) // *Архивен преглед*. 2014. Кн. 1. С. 7–66.
5. Peterson TH. Machine-readable records as archival Materials. *Archivum*. Vol. 35: Actes du 11e Congrès international des Archives (Paris, 22–26 août 1988). Paris, 1989. P. 83–8.
6. Kecskemeti Ch., Körmendy L. Les écrits s'envolent: la problématique de la conservation des archives papier et numériques. Lausanne: Fabre, 2014. 207 p.
7. Müller S., Feith J. A., Fruin R. Ръководство за класиране и описание на архивите: Превод от френски. София: Печатница «Надежда» на Р. Шимонов, 1912. 190 с.
8. Jenkinson H. A Manual of Archives Administration. London, 1922. 284 p.
9. Favier J. Les Archives et leur public: le cas de la France. V : *Aus der Arbeit der Archive*. Festschrift für Hans Booms. Boppard am Rhein, 1989. P. 75–82.
10. René-Bazin P. La création et la collecte des nouvelles archives. *Archivum*. Vol. 35 : Actes du 11e Congrès international des Archives, Paris, 22–26 août 1988. Paris, 1989. P. 39–41.
11. Nougaret Ch. L'impact des technologies de l'information sur les archives et le travail de l'archiviste. *Archivum*. Vol. 43 : Actes du 13e Congrès international des Archives, Pékin, 2–7 septembre 1996. München, 1997. P. 283–309.
12. Bautier R-H. Les archives des collectivités locales. V : *Actes de la Onzième et Douzième Conférences internationales des Archives*. Bucarest, 1969, Jérusalem, 1970. Paris: Conseil International des archives, [1972]. 171 p.
13. Богданов И. Архивология. София: Нов български университет, 2014. 753 с.
14. Rhoads J. Archival cooperation between the United States and the Union of the Soviet Socialist Republics. V: *Aus der Arbeit der Archive*. Festschrift für Hans Booms. Boppard am Rhein, 1989. P. 36–43.
15. Alexiev M. Facilités de l'accès aux documents en Bulgarie. *Archivum*. 1968. Vol. 18. P. 80–82.
16. Elpat'evskii A.V. Borrowing or mutual influence (Russian and Western European archival science in 1920-1930) // *Herald of the archivist*. 1997. №5 (41). P. 34–40.

Информация об авторе

Стефка Х. Петкова, доктор исторических наук, профессор, Университет библиотекovedения и информационных технологий, Болгария, София, 1784, булевар Цариградское шоссе, 119; stefkapetkova70@yahoo.de

Information about the author

Stefka H. Petkova, Dr. of Sci. (History), professor, Bulgaria, Sofia 1784, University of Library Studies and Information Technologies, Boulevard Tsarigradskoe highway; stefkapetkova70@yahoo.de